

ГОЛУБАЯ СКАЗКА

Небо было голубым. Просто голубым.

— Вы неплохо выглядите. Вам к лицу голубой цвет,— обронило ослепительно золотое солнце.

— Благодарю.— Небо расправило складки своего голубого наряда и замерло в ожидании новых похвал.

Но их не последовало. Солнце уже беседовало с какой-то далекой звездой.

— Вот как...— Небо растерялось.— Может быть, мои голубые одежды кажутся роскошному солнцу чересчур скромными? И солнце, похвалив меня, просто посмеялось? Напрасно... Ведь я все-таки небо!

Небо гордо расправило свою голубизну и велело явиться портному. Ветер, он с давних пор служил небу портным, прилетел тотчас.

— Мне бы хотелось выглядеть несколько... ну... знаете ли... уважаемый портной...— небо подбирало нужное слово,— несколько интересней.

— Интересней...— повторил ветер.— Не очень ясное пожелание, но попробую что-нибудь придумать.

Ветер взял охапку белоснежных маленьких пушинок-облачков и невидимой нитью сплел их в нежную, почти прозрачную накидку. Укрыв заказчика чудесной облачной шалью, ветер отлетел, посмотрел на свою работу со стороны, поправил два-три облачка и слегка подул.

— Что же, о небо, вы довольны?— почтительно спросил ветер.

— Да, спасибо, думаю, это подойдет. Небо снова взмахнуло шалью, пушинки-облачка побежали быстро-быстро. Небо само себе понравилось! Но солнце молчало.

— Придется,— нахмурилось небо,— снова позвать портного. Прилетел ветер.

— Новый наряд не понравился?— удивился он.— Слишком воздушно? Легко? Даже, может быть, легкомысленно?

— Возможно.— Небо недовольно сбросило облачную шаль.

— Не волнуйтесь,— заторопился ветер,— попробуем другой

вариант" элегантно-строгий.

Ветер взмахнул одноцветным густо-серым полотнищем плотной облачности, набросил его на небесный свод, затем достал множество серебряных нитей дождя и, резко дунув, пустил их наискось. Получилось строго и нарядно.

Небо трянуло нитями дождя и украдкой взглянуло на солнце. С надеждой взглянуло. Но золотое солнце то ли потускнело, то ли погрузнело. Так и эдак встряхивало небо блестящими дождевыми нитями, но печальное солнце молчало.

— Странно,— небо недовольно сбросило серебряные украшения,— неужели нельзя придумать что-нибудь необыкновенное?!

— Минуту, еще минуту,— заволновался ветер-портной,— я придумал для вас, о небо, великолепно эффектный наряд.

Ветер задул изо всех сил, пригнал тяжелые лиловые тучи, скроил из них величественное одеяние с золотыми пряжками-молниями.

Рассерженное небо осталось довольно работой портного. «Теперь солнце, конечно же, восхитится моим нарядом»,— решило оно. Но солнце закрыло глаза, лучи его задрожали и поникли. Казалось, ему отчего-то больно.

— Не знаю, в чем дело,— удивилось, почти возмутилось грозное небо,— этому золотому зазнайке ничем не угодить! Я так стараюсь, так стараюсь ему понравиться, а от него ни слова доброго.

Разгневанное небо сбросило чудесный с золотыми молниями наряд и осталось в своих обычных голубых одеждах.

«Пусть так,— думало небо.— Не буду больше наряжаться. Так и останусь просто голубым. Все! Хватит!»— сердилось оно.

Сердилось, сердилось, сердилось и вдруг слышит:

— Вы прекрасно выглядите. Вам к лицу голубой цвет.

ПЕСТРАЯ СКАЗКА.

Эта сказка — о цветах. Не о тех, что растут в поле или в саду. О цветах — красках, оттенках. Их гораздо больше, чем в обыкновенной полосатой радуге. Семь цветов, и все? Разве это так? А розовый? А васильковый? А просто белый или просто черный? Радуга их прячет, но они есть. И всегда рады нам показаться, подмигнуть, удивить нас.

Вот возьмет желтый цвет и обернется желтым одуванчиком, или желтым цыпленком, или маленьким грибочком лисичкой — здесь желтому немного поможет оранжевый цвет. Или, к примеру, черный цвет пошепчется с белым, и получится, может быть, зебра, может быть, школьная тетрадка, может быть, клавиши пианино. Цвета-краски живут в мире и согласии. Дружат, помогают друг другу. Друг друга дополняют, оттеняют, подчеркивают красоту каждого. Темно-зеленый, почти малахитовый цвет старых елок, просто зеленый цвет травы, бледно-зеленый (его называют фисташковым) цвет молодых листочков так привязаны друг к другу, что трудно решить, давние ли они друзья или близкие родственники.

Вот еще два цвета: желтый и лиловый. Такие разные... А поссорились хоть раз? Думаю, нет. Иначе могла ли быть такой красивой клумба, на которой попеременно растут ярко-желтые и темно-лиловые тюльпаны? И откуда бы взялся наполовину желтый, наполовину лиловый цветок иван-да-марья?

Цвета-краски знают о том, что от ссор можно побледнеть, потускнеть, стереться. Да и просто не хотят, не любят цвета ссориться, поэтому и живут спокойно и вечно. Такие уж они есть, все, кроме двух — синего и красного.

А эти чудесные цвета очень нужны, очень красивы. Это правда, это все краски и оттенки знают. Но никто не стремится узнать: красный ярче синего или синий красивее красного. Зачем? Поэтому со всеми другими цветами синий и красный в полном согласии, но между собой...

— Я!

— Нет, я!

— А я утверждаю, что я!

О чем они спорят? Обо всем, по порядку, по очереди, каждый день,

каждый час. Очень сердито.

— Я, красный цвет, нужнее, чем вы, синий!— распалялся красный.— Нужнее, потому что само солнце красное!

Желтый, оранжевый, рыжий, золотой, розовый, багряный и множество других цветов промолчали из вежливости, хотя были дружны с солнцем не меньше цвета красного.

— Нет,— возмущался синий,— нет! Не вы, цвет красный, а я, синий. важнее людям! Потому что само небо синее!

Голубой, серый, розовый, черный (ночь есть ночь), печально-лиловый и еще многие-многие оттенки и цвета тоже промолчали, сделав вид, что ничего не слышали. И правильно: зачем спорить, если ничего не докажешь.

— Ух,— не отставал красный цвет,— все равно я сильнее. Потому что я... Потому что огонь... Огонь...— а он может все — он красный!

И снова промолчали оранжевый, желтый, золотой и вся тысяча, а может быть, миллион цветов и самых маленьких оттенков, без которых огня и на свете не было бы.

А синий цвет кричал:

— Я сильнее! Захочу — погашу огонь. Я — синий цвет, я — цвет воды. Я — реки, озера, моря, океаны.

Промолчали цвета морской волны, голубые, зеленоватые, промолчал белый цвет пены морского прибоя, промолчал серебряный цвет замерзшей воды — океанских айсбергов. Молча вздохнули эти цвета. Они не хотели гасить огонь — без него темно и холодно. Но знали они, что если синий цвет решил, что он самый-самый, словами его не переубедить. Должно что-то произойти, а пока...

— Я!

— Нет, я!

— А я утверждаю, что я!

...Наконец одна мама захотела сшить своей дочке новое платье.

Мама — обыкновенная, дочка тоже обыкновенная. Только очень, очень синеглазая. Таких синих-пресиних глаз, наверное, ни у кого на свете больше не было.

— Вашей дочке пойдет голубое платье,— говорили все.— Ведь у нее синие глаза, хотя белое или, например, желтое тоже будет неплохо.

Но мама сказала, что хочет сшить для синеглазой дочки красное платье. Почему именно красное? Не знаю почему, но как только девочка с синими-пресиними глазами надела красное платье, всем вокруг стало светлей и радостней. Будто пришел веселый, разноцветный праздник. К людям пришел.

А вот все на свете цвета — и желтый, и голубой, и белый, и бордовый, и остальные — так испугались, что на секунду погасли. Ведь два цвета-недруга — красный и синий — оказались рядом. Но два враждующих цвета вели себя вполне пристойно. Они друг друга, казалось, и не замечали. Им было стыдно ссориться при маленькой девочке.

Синеглазая девочка очень полюбила красное платье и надевала его часто-часто. И представь, скоро два прекрасных цвета нечаянно подружились. Кто из них первым нечаянно поздоровался, или попрощался, или сказал, что сегодня неплохая погода, — уже давно забыто. Да и не важно это. Важно, что тогда очень осторожный, самый осторожный из всех цветов, серый цвет сказал:

— Вы прекрасно смотрите вместе. Вы просто созданы друг для друга. Красный и синий ответили в один голос:

— Спасибо, вы совершенно правы.

А синеглазая девочка и ее обыкновенная мама, та, что сшила красное платье, даже и не знали, что помирили два самых ярких, самых сильных цвета.

МАЛО ЛИ ЧТО...

Небо было голубым, а тучка розовой. Не совсем розовой, скорее — белой. Розовыми были ее чудесные волосы (люди их называют перистыми облаками). Тучкины волосы не могли не быть розовыми, потому что их расчесывали красные лучи заходящего солнца. А еще тучка была легкой-легкой. А еще веселой и доброй. И не надо говорить, что тучка моя не настоящая, а будто нарисованная. Тучка как раз очень настоящая. Просто у нее день рождения. Первый. Просто как раз в этот самый сегодняшний день тучка на свет появилась. И конечно, сразу поняла, что очень хорошо быть белой-белой, розововласой, доброй и веселой. А не как некоторые — серо-черно-лиловой с дождем и градом.

Вот и плыла, легко и весело, красивая, праздничная тучка. С небом почтительно разговаривала, самолеты о разных разностях спрашивала, с птицами болтала. А ветер рядом летел, следил за тем, чтобы юная тучка чувствовала себя уверенно. Но опекать тучку не было нужды. И ветер улетел по делам, пообещав скоро вернуться. А тучка поплыла дальше.

Конечно, хорошо ей в небе, но все интереснее землю рассматривать. Чего только не увидишь! И города, и деревни, и реки, и озерца маленькие, меньше самой тучки. А людей сколько! И всем на тучку смотреть радостно. потому что красивая она. Плыла-летела по небу тучка, посматривала на землю, приглядывалась к людям. И оказалась над окраиной города, над большим старым парком. По аллеям парка гуляли разные, разные люди. Белая веселая тучка сразу обратила внимание на молодую нарядную женщину. Очень красивую, в легком белом платье, с яркой розовой лентой в волосах. «Какая красивая,— подумала тучка,— может быть, даже красивее меня. Только почему она грустная?» Женщина и правда казалась грустной, даже раздраженной. Она сердито смотрела себе под ноги и слушать не хотела свою подругу. А та все удивлялась: — Какая муха тебя укусила? Что случилось? Ведь здесь так хорошо. А ты будто не видишь. Какие старые деревья! Какое небо...

— Какое?! Ну, какое?!— сердилась красивая женщина с розовой лентой.— Небо как небо, деревья как деревья. И не до них мне. Чем-то очень недовольна была нарядная женщина. Старые деревья и мудрое небо не удивились ее сердитым словам. И даже не очень расстроились. Мало ли странных людей на свете? А молодая тучка удивилась. Она плыла над аллеей. И вот тень от прядки ее розовых волос упала на лицо красивой женщины. Та резко подняла голову. — Я так и знала,— сказала она удовлетворенно и твердо,— сейчас пойдет дождь.

«Дождь?— удивилась тучка.— Почему дождь?»

А снизу, с аллеи, снова слышались сердитые слова:

— Туча! Настоящая туча! Да еще с облаками какого-то розового цвета. Совершенно неестественный цвет!

«Так это на меня рассердилась красивая женщина. Ей кажется, что я принесла дождь,— догадалась белая тучка.— Напрасно. Ну а раз не понравились мои волосы, я могу их убрать». И белая легкая тучка собрала свои розовые волосы в тугий узел. И сразу что-то изменилось. Новая прическа сделала тучку будто тяжелее и старше. И еще. Исчез чудесный розовый цвет, потому что солнце, увидев, как тучка собрала волосы-облачка, решило, что его красные лучи надоели. Солнце обиделось и отвернулось.

И вот уже в небе не белая-белая розововласая тучка, а чуть сероватая маленькая туча. А красивая женщина не успокаивается: — Да эта туча не просто дождь, а ливень с грозой принесла. Не иначе. Очень обидно было слышать эти несправедливые слова. «Улечу. Сейчас же! Далеко»,— решила тучка. Но не вышло. Пока тучка и женщина в белом платье были заняты друг другом, на горизонте появились тяжелые, серо-лиловые тучи. Эти грозовые тучи, полные дождя и молний, услышали сердитые слова женщины и поспешили к тучке будто бы для того, чтобы защитить ее. На самом же деле злые лиловые тучи очень любили ссоры. Вот и сейчас они надеялись, что без серьезной ссоры не обойдется. Они нависли над аллеей, окружили тучку, и загромыхали, и засверкали: — Не бойся, мы ей устроим! Мы ей покажем! Послушаться бы красивой женщине подругу и сделать как все — уйти из парка. Так ведь нет же! Смотрит она в черные тучи и не устает

повторять:

— Я предупреждала, я говорила! Сейчас, вот сейчас пойдет дождь! Так оно и вышло. Только дождь не пошел, а хлынул. Маленькая тучка старалась, очень старалась вырваться, улететь от черных туч, но разве пробьешься?

А нарядная женщина была уже совсем не нарядной. Ее белое платье и розовая лента промокли, потемнели, стали цвета совершенно непонятного, печального. Злые тучи были очень довольны. Маленькая тучка чуть не постарела от обиды. А промокшая женщина твердила, почти плача:

— Я знала! Я говорила, говорила, говорила.

— Поменьш-ш-ше бы говорила,— шелестели старые деревья. Никто их не слышал. Или не понял.

...А так хорошо все начиналось: голубое небо, розовая тучка... А кончилось как? Плохо кончилось. Вернее, плохо кончилось бы, если бы не ветер. Но ветер, закончив свои дела, вернулся к тучке, как и обещал. Увидев, что творится, ветер разлетелся, расшумелся, закружился. Разогнал лиловые тучи, маленькую тучку вынес в синее небо, растрепал ее стянутые волосы, помирил тучку с солнцем, с его красными лучами. Все, что нужно, сделал ветер. Деловой попался ветер. Молодец просто.

А что же было дальше? А все было хорошо. Плыла по голубому небу белая тучка с розовыми волосами. С небом разговаривала, с самолетами и птицами весело болтала.

А вот на землю не смотрела. Не хотела. На всякий случай. Мало ли что...

ЯНТАРНАЯ СКАЗКА.

Шел по земле человек. Катилось по небу солнце. Шел человек по земле красивой, по траве зеленой. Думал человек. Катилось солнце по небу голубому, облакам кивало, человеку лучи золотые кидало. Радовалось солнце. О чем думал человек? Чему радовалось солнце? Человек думал ни о чем, просто думал. Потому что был человеком. Солнце радовалось ничему. Просто радовалось. Потому что было солнцем.

Солнце радовалось и немного удивлялось. Тому удивлялось, что человек совершенно, ну, абсолютно, ну, нисколько не обращал на него, на солнце, внимания. А ведь оно такое яркое, большое, красивое.

Солнце бросило человеку несколько веселых, искрящихся лучиков. А человек в лес свернул. Ну и что! Не такая уж это для солнца преграда. Разворошило солнце густую листву и протянуло человеку теплые тонкие лучи. То ли не почувствовал человек, то ли все-таки лес помешал. Солнце не обиделось: «Все кончается, и лес кончится,— решило оно,— тогда человек меня увидит и, конечно, обрадуется». Лес и правда кончился. Человек вышел на широкий пляж. Песок был золотым. А море — очень синим. Солнце прицелилось и бросило несколько лучиков к ногам человека, так чтобы, ударившись о песчинки, искры лучей кинулись человеку в глаза. Теперь человек наконец заметил солнечные лучи. Он очнулся от своих человеческих мыслей и поднял голову. И увидел солнце. Солнце приветливо кивнуло, а человек серьезно сказал:

— Если я не ошибаюсь, солнце сегодня чересчур навязчиво.

Правда, возможно, я ошибаюсь.

Человек взял подзорную трубу, долго смотрел на солнце и сказал:

— Я прав, солнечная активность явно повышена.

— Точно,— закивало солнце,— я сегодня очень активно! И очень хочу с вами общаться! И просто дружить!

А человек убрал трубу, надел шляпу с полями, темные зеркальные очки, в которых отражалось синее море, и гордо сказал:

— Теперь я могу не бояться солнца.

— Бояться?! Меня?!— ахнуло солнце.— Я не пугать, я дружить хочу! Какие обидные слова... Какая несправедливость... Солнцу стало так горько, так горько... Совсем огорчилось-опечалилось солнце. Это заметила легкая белая тучка. Она подлетела к солнцу и завела непринужденную беседу о том о сем. Специально. Чтобы отвлечь солнце от грустных мыслей.

А человек тем временем подошел к морю. Синие волны выбросили к его ногам красивые золотистые камушки. Те, что называются янтарем. Эти чудесные камушки давным-давно живут в море. С тех самых пор, когда море захватило древний лес и превратило смолу деревьев в желтые прозрачные камушки. Множество камушков получилось. И если море хочет, его волны выносят их людям. В подарок. Золотистые камушки очень понравились человеку. Он пересыпал янтаринки из ладони в ладонь и повторял:

— Какая прелесть! Какие чудесные камушки! Будто маленькие солнышки!

— Что? Что? Что?— Солнце услышало слова человека о камушках-солнышках, несмотря на заботливую болтовню тучки.

А человек медленно шел берегом моря, радуясь каждой новой янтарной капельке.

Солнце выглядывало из-за тучки и никак, ну, никак не могло понять человека.

— Станный он,— удивлялось солнце,— радуется маленьким ненастоящим как будто солнышкам, а меня — настоящее, живое солнце — знать не хочет. Не понимаю.

И неудивительно. Понять человека очень трудно. Даже солнцу...

ОСЕННЯЯ СКАЗКА.

Зазвенел яркий желто-красно-оранжевый будильник, и проснулась Осень-красавица. — Я не опоздала?— встревожилась она и выглянула в окно.— Меня уже ждут, наверное.

Осень собралась быстро и, конечно, не забыла свою волшебную шаль. Золотая шаль была соткана из нитей грибного дождя и солнечных лучей, а если приглядеться, виделись в золоте разноцветные осенние листья, грибы и колосья, виноград и яблоки, и улетающие журавли, и еще столько всего, что даже сама Осень не могла запомнить.

Явилась Осень к людям. А люди и не сразу заметили. Не до того им. Удивлены и расстроены люди. Крупные в садах яблоки выросли за лето, но кислые. На полях золотые колосья, красивые колосья, а зерна легкие, будто ненастоящие — не получится из них хорошей муки. А на виноградниках тяжелые гроздья. Видимо-невидимо их, но не сладкий виноград, не вкусный совсем. Вот люди и беспокоятся.

А Осень не беспокоится. «Лето хорошо поработало, все подготовило,— огляделась она,— дело за мной». И взлетела над садами, полями, виноградниками волшебная шаль Осени.

Теперь людям только успевай! Яблоки сладкие: в ту корзину — желтые, в эту — красные. Зерна тяжелые: из одних — мука для хлеба, из других, самых лучших,— для пирожков и пирожных.

Виноград сладкий, сочный: и на сегодня, и на завтра, и еще хватит на соки для малышей до самой весны.

Быстро собрали люди урожай и, похоже, были им очень довольны. И Осень рада. Как же иначе! Но вот посмотрели люди вокруг, и оказалось, что в садах их не осталось яблок; а поля вовсе не золотые, а черные; а виноградники, раньше желто-зеленые и фиолетовые, стали бледными, грустными, без единой яркой виноградинки. Переглянулись люди:

— Осень? Уже?

«Конечно, это я,— подумала Осень,— давно я. Наверное, люди были так заняты урожаем, что меня просто не сразу заметили.

Неважно! Главное, что всего много и все вкусное». И Осень

улыбнулась — она была довольна.

А люди не улыбнулись, они, кажется, уже не были довольны.

— Да... — вздохнули люди. — Лето кончилось. Вот и осень. Да... — задумались они. — Осень... А что делать?.. А ничего не поделаешь. «Странно, — удивилась Осень, — люди мне будто и не рады. Быть не может».

И снова, теперь уже над лесами и перелесками, взлетела волшебная шаль Осени.

И вот машина за машиной, автобус за автобусом повезли людей в осенний лес. Долго гуляли люди по лесу, и, кажется, были довольны. «Урожай понравился, лес мой понравился, значит, и я людям в радость», — думала Осень.

А люди, будто снова недовольны чем-то, будто печальны даже. Несут люди полные корзинки грибов. И в рыжих, и в разных — красных, шоколадных, желтых — шапочках. А корзины с осенней ягодой — ярко-ярко-красной клюквой! А еще охапки разноцветных рябиновых, дубовых, кленовых листьев. Бережно несут люди домой это осеннее волшебство и вздыхают:

— Осень... Да... Совсем осень. А что делать?.. А ничего не поделаешь... «А что, что нужно делать?! — Осень почти испугалась. — Почему печальны люди? Неужели они хотят прогнать меня? Неужели я все-таки им не нравлюсь?»

И она решила удивить людей, дать им полюбоваться тем, что не увидишь ни в какое другое время года. В самое небо на этот раз взлетела волшебная шаль Осени.

— Смотрите, смотрите, — звали друг друга люди, — быстрее, не успеете. Даже самые равнодушные долго не отрывали глаз от неба.

И неудивительно. Летели птицы. Просто летели, и все. На юг.

— Видишь? Это стая ласточек. Маленьких, но очень смелых.

— Да нет же — это ровная-преровная нить сказочных гусей-лебедей.

— Тебе показалось! Это журавли. Это их стройный клин. Это они курлычат.

Вот такое чудо подарила Осень людям. Долго смотрели люди в небо, вслед прекрасным разным птицам. А потом?

— Да... Осень. Да, настоящая осень. А что делать? А ничего не поделаешь...

СОЛНЕЧНАЯ СКАЗКА

Я расскажу тебе сказку о Солнечном Луче, который однажды послушался Солнца, осмелился спорить с Законом Природы и попал из-за этого в очень неприятную историю.

Солнце, ближайшая к нам звезда, светит ярко, греет жарко и нежно. В его огненной гриве и бороде живет множество горячих, искрящихся лучей. Но в космосе тем не менее все равно очень холодно, темно, даже черно. Отчего же так?

— Закон Природы,— коротко отвечало Солнце.

Солнце постоянно кидало на Землю снопы, охапки, маленькие горсточки лучей: в зависимости от того, проплывала ли под ним злая Сахара, яркая Куба или мягкая Карелия. И всегда Солнце предупреждало свои лучи:

— В вашем распоряжении столько-то солнечных часов. И никуда не отклоняться!

— Ну почему же нельзя чуть-чуть, немножко побегать по холодному Космосу? Согреть его?— спрашивали иногда Солнечные Лучи.

— Нельзя,— строго отвечало Солнце,— невозможно: Закон Природы. Солнце отправляло свои лучи не только на нашу голубую Землю, но и на красный Марс, и на зеленоватую Венеру, и даже на самую далекую нашу планету — всегда печальный Плутон. Но Солнечный Луч, о котором сказка, бывал пока только на Земле. Однажды по воле Солнца наш Солнечный Луч и целый миллион миллионов его братьев оказались в чудесном краю. Это был огромный луг, поросший высоченной зеленой-зеленой травой, а в траве — красные, синие, желтые, белые цветы. Солнечные лучи прыгали по цветам и пели на своем солнечном языке. По лугу бежала женщина в белом платье и красивой белой, с большими изогнутыми полями шляпе. За руку она держала маленькую девочку.

— Смотри, смотри,— почти кричала красивая женщина, хотя девочка была рядом,— смотри же! Мир пронизан Солнцем! Мир пронизан Солнечными Лучами!

И надо же было, чтоб эти слова услышал наш Луч!..

Он будто застыл, закачался на ромашке, повторяя про себя: «Мир пронизан Солнечными Лучами». И... собрав все свои силы, Луч ринулся в путь.

— Несправедливо, несправедливо!— твердил он на лету.— Эта женщина в красивой шляпе думает, что весь мир пронизан нами, лучами Солнца. А там, далеко, темно и холодно. Потому что, видишь ли, ЗАКОН ПРИРОДЫ!

И Солнечный Луч помчался пронизывать мир, потому что, так он считал, будет гораздо лучше.

А что же Солнце? Оно не видело, куда и зачем полетел его Лучик? Да нет. Солнце, планеты, кометы и прочие космические жители и, уж конечно, сам Закон Природы своим волшебным зрением отлично видели крошечный, вернее, почти никакой по сравнению с Космосом Лучик. Почему же тогда Солнце его не остановило? Может быть, и Солнце тоже не считало Закон Природы абсолютно верным? Не знаю. Одно знаю точно:

Солнце тряхнуло огненной гривой и решило — разрешу!

Сначала лететь было не трудно, не страшно, даже интересно. Мимо проплывали планеты, о которых раньше рассказывали другие Солнечные Лучи.

Вот немного странная планета Нептун. Этот самый Нептун только и делает, что примеряет то так, то эдак свое, как он считает, очень оригинальное кольцо.

Но вот показалась печальная планета Плутон — край подвластной Солнцу страны или, как говорят люди, Солнечной системы. Дальше Солнце не сможет помогать своему Лучу. И оно, почти испугавшись, приказало:

— Вернись! Иначе я не знаю, что с тобой случится. Ведь твоя сила, твое тепло, твой свет без меня...

— ...исчезнут без вас, о Солнце,— медленно и спокойно сказала печальная планета Плутон.

А в этот миг мимо нее промчался Солнечный Луч, не обратив внимания на приказ Солнца и повторяя про себя заветные слова: «Мир пронизан Солнцем. Я маленький, но солнечный. Мир пронизан Солнцем».

Теперь все. Теперь за пределами Солнечной системы только Закону Природы был подвластен Солнечный Луч. Конечно, Закон Природы с самого начала следил за этим прямо-таки безобразным,

с его точки зрения. поступком Солнечного Луча. Он решил непременно строго наказать нарушителя.

...Все труднее лететь Солнечному Лучу. Все меньше сил у него оставалось. Все холоднее становилась горячая ниточка Солнца, все тоньше, все бледнее. Солнце уже не могло помочь своему Лучу. Но Закон Природы тоже не так жесток, как иногда кажется.

— Возвращайся!— велел он Лучу.— Немедленно! Пока совсем не замерз. Я прощаю тебя.

Но Луч летел вперед. Бледнел, замерзал, если бы у него были зубы, он бы, конечно, сжал бы их, чтобы не стучали. И летел... Летел. Летел, и все... И все тут.

Замерли в тревожном ожидании Солнце, планеты, даже далекие незнакомые звезды. Ждали. Ждал Великий Закон Природы. А маленький усталый Солнечный Лучик летел. Он все равно хотел, чтобы весь мир был хоть чуть-чуть пронизан Солнцем. Но Закон Природы не привык к неповиновению, а потому он просто-напросто швырнул Лучик в самую середину огненной гривы Солнца. Здесь среди других лучей бледный и почти замерзший Лучик сразу отогрелся и засветился так же ярко, как прежде.

— Благодарю Вас, Ваше Могущество Великий Закон Природы,— склонилось в поклоне Солнце.

— Следить за своими лучами нужно лучше, а то безобразие какое-то получается,— проворчал Закон Природы и строго добавил:— Приказываю тебе, Солнце, отнять у этого Луча способность понимать язык людей.

И про себя пробормотал: «На всякий случай, мало ли...»

— Повинуюсь,— ответило мудрое Солнце.

Солнце сказала «повинуюсь». Но первый раз в жизни, а ему уж за несколько миллиардов перевалило, Солнце, честное, как огонь, решило солгать. Оно не запретило Лучу понимать язык людей. Почему? Кто знает...

РЫЖАЯ СКАЗКА

Рыжая кошка была такой маленькой, что еще не успела узнать о том, что рыжих кошек на свете не так уж много. Гораздо меньше, чем, например, серых. И о том, что рыжий цвет — не простой, как, скажем, цвет серый. Зато маленькая кошка знала, что такое друг. Ее друга звали Солнце.

Они познакомились недавно на крылечке дома. Солнце проплывало по небу и увидело внизу что-то очень рыжее. Солнце прищурилось и спросило:

— Это кто там? Не мой солнечный зайчик? Рыжка (в золотых лучах она правда казалась чем-то солнечным) подняла мордочку и ответила обиженно:

— Какой же я зайчик? Я — кошка. Меховая, а вовсе не солнечная.

— Точно, рыжая кошка. Да ты не обижайся. Разглядеть трудно: маленькая очень.

— Вырасту!

— Конечно,— прозвенело Солнце.— А мне показалось, зайчик мой сбежал без разрешения. Непорядок ведь?

Так они и подружились. Доброе взрослое Солнце проплывало над крылечком в полдень. Медленно, чтобы Рыжка погрелась в его лучах. А еще Солнце рассказывало ей, что происходит в небе, какая туча, с какой молнией поссорились, и какое облако за какую горную вершину зацепилось.

А маленькая рыжая кошка рассказывала Солнцу, как живут люди в своем красивом летнем доме.

Но однажды Солнце не пришло. Рыжка удивилась, посмотрела в небо и увидела серые тучи.

— Наверное, тучи задерживают Солнце. Пойду навстречу,— решила она и осторожно спустилась с крылечка на садовую дорожку.

Раньше Рыжка не гуляла по дорожке: боялась уходить от крыльца. Но она знала, что дорожка идет в ту сторону, откуда приходило Солнце.

Маленькая рыжая кошка шла медленно, осторожно ставя лапки на дорожку. Вдруг тихий смех. Слева — роскошные ярко-красные маки.

— Вы мне смеетесь?— спросила Рыжка.

— Не тебе, а над тобой,— прошелестели маки.

— Почему?..

— Ну-у-у... Ты же смешная...

— Почему?

— Ну-у-у... Ты рыжая...

— Да,— согласилась кошка,— рыжая. А почему смешная?

— Так ведь рыжая!

Маленькая кошка не понимала, почему смеялись маки, но ей казалось, что смеялись не весело, а насмешливо.

— Ну и ладно,— просто так, сама не зная о чем, сказала маленькая кошка и пошла дальше. Слышит — кто-то тихо фыркнул и сказал:

— Совсем, совсем рыжая!

Маленькая кошка оглянулась и обрадовалась. Справа от дорожки расположилась стайка невысоких цветов. Цветом своим очень похожих на нее. Люди называют их ноготками.

— Привет,— весело сказала Рыжка,— и вы, и я — рыжие. Хорошо!

А вот некоторые считают рыжий цвет...— И она замолчала. Потому что цветки-ноготки резко подняли лепестки и захлопнулись.

Только один, наверное, главный, цветок не закрылся и очень рассерженно посмотрел на маленькую кошку:

— Как ты смеешь называть нас рыжими? Это ты — рыжая.

— Да я-то, конечно, я знаю. Но разве вы не рыжие тоже?

— Нет!— совсем рассердился цветок-ноготок.— Мы оранжевые.— И он тоже закрылся.

Маленькая рыжая кошка пошла дальше. Ей было грустно: и Солнце не нашлось, и стало совершенно ясно, что рыжий цвет нравится не всем.

Наконец дорожка уткнулась в маленькую клумбу, на которой рос большущий куст прекрасных белых лилий.

— Ой!— только и могла сказать восхищенная Рыжка.

Одна чудесная белая головка склонилась, и лилия сказала томно:

— Ах, не надо восхищений. Они однообразны и утомительны.

— Хорошо, я восхищаться не буду, хотя вы очень красивы,— маленькая кошка, не раздумывая, подчинилась прекрасным

цветам,— не буду, а спросить вас можно? Посоветоваться.

Гордые цветы были удивлены или, представь, польщены. Совета у них никто никогда не спрашивал. Ими только любовались.

— Скажите,— немного замялась Рыжка,— вот некоторым кажется, что рыжий цвет то ли плохой, то ли... ну... в общем, смеются...

Вы не стали бы смеяться? Не стали бы? Правда?

— Конечно, мы не станем смеяться над тобой. Это недостойно нас.

— Что значит недостойно вас? — чуть насторожилась маленькая кошка.

— Это значит, что сами мы так прекрасны, что должны притвориться, будто не видим, что ты рыжая,— ответила самая красивая лилия.

— Будто не видите?

— Да.

— А если все-таки...

— Нет. Мы хорошо воспитаны.

— А другие цветы?

— Многие цветы,— прекрасная лилия смутилась,— попроще нас, могут вспомнить,— она заговорила шепотом,— детскую песенку-дразнилку: «Рыжий-рыжий, конопатый...» Дальше там тоже насмешливые слова.

— «Конопатый»...— задумчиво повторила маленькая рыжая кошка.— Еще и конопатый!— И она прикрыла лапкой нос, на котором ухитрились поместиться полторы веснушки.

А потом кошка, хоть и маленькая, выпустила коготки.

— Вы не видите? Так я сама говорю всем! Всем на свете! Я — рыжая, рыжая-прерыжая! Ясно? Ясно вам?— и заплакала маленькая кошка. Горько и громко.

Не плачь, кошка, все хорошо. Солнце вернулось!

— Солнце, Солнце,— стала рассказывать маленькая кошка,— я совсем рыжая, очень рыжая. Что же мне делать?

— Радоваться, сестричка,— спокойно ответило Солнце.

— Чему?— удивились цветы.— И почему она — ваша сестра? Вы шутите. Золотой Цветок неба!— Цветы иногда любили пустые красивые слова.

— Я не цветок, я просто обыкновенное небесное светило,— скромно сказала Солнце,— и я не золотое, я — рыжее.

— Рыжее???

— Да. Я — желтое? Нет, одуванчик желтый. Я — золотое? Нет, золотые шары — золотые. Я — красное или оранжевое? Нет, маки — красные, ногти — оранжевые. И конечно, никто не скажет, что я — белое, как лилия. Выходит, я — рыжее.

— И я рыжая! Как Солнце, как Солнце! — запрыгала маленькая кошка.

— Мы, знаете ли, родственники, — улыбнулось Солнце. Молчали маки, ногти, лилии. Зато раздался препротивный голос старой вороны. Она и прекрасные лилии, как это ни странно, дружили.

— Что кошка рыжая, как вы, Солнце, не спор-рю, — каркнула ворона, — а как с веснушками? У нее целых полторы. А у вас — нет! Как же вы без веснушек?

— Как? — испугалась маленькая кошка.

— Плохо, — вздохнуло Солнце, — мне веснушек очень не хватает. Вы, уважаемая старая ворона, конечно, знаете, веснушки — это подарок самой красавицы Весны. На всех подарков не хватило. Маленькой кошке хватило, а мне и вам — нет. Не повезло нам с веснушками, дорогая старая ворона. — Так сказала Солнце и добавило: — Пошли, Рыжка, а то мы с тобой до крылечка никак не доберемся.

— Пошли, — согласилась маленькая кошка, а обернувшись, все-таки сказала: — Не повезло вам всем с веснушками!

Сначала Солнце и кошка молчали. Потом Рыжка спросила:

— Они всегда будут злыми? — Они не злые, — спокойно ответило Солнце, — они глупые и не понимают, что рыжая кошка — это так же красиво, как белые лилии.

— Да?!

— Да.

— Я тоже не понимаю, — сказала маленькая кошка.

— Я же говорило: маленькая ты очень. Вот и не понимаешь.

— Вырасту.

— Конечно, — согласилось Солнце.

Белая сказка

Вчера выпал первый снег. И кругом все белым-бело. До того бело, что и не разберешь где что. Белая курица снесла белое яйцо, обронила в снег и никак не отыщет. Белохвостый петух выкукарекал белую песню. Взлетела она под стреху, примерзла во-он там: видишь, висит белой сосулькой? У белки-белянки выбельчились бельчата, прыгнули на белые ветки - белка их и потеряла. Деревья стоят белые-пребелые. Бреду я по лесу, не могу разобрать: где дерево, где пень, а где белый день.

Над трубами курится белый дымок. Чернила в чернильнице тоже побелели - даже и не знаю, разберешь ли ты, что здесь написано. Хлеб мы едим только белый и забеливаем кофе сливками. Собрался я утром почистить башмаки, а вакса-то белая!

Вот и наша Гауя^[1] - под снегом белая, под солнцем ясная. Забросил я спиннинг, вытащил белорыбицу, вспорол ей брюхо, а там - белый утенок (целиком проглотила - какова обжора!). Воткнул я в утячий хвост вот эту писульку и отпустил утенка - пускай его летит! А залетит к тебе, ты накорми его, обрежь кончики крыльев - не то упорхнет! - и согревай ему по вечерам живот белой грелкой. А когда он снесет золотое яичко, сразу же черкни мне.

Адрес у меня такой:

Белому Кроту с берегов Гауи.

P. S. А неохота писать, так нарисуй. Только - чур! - одной белой краской, без единой черной черточки.

Гауя — река в Латвии

Желтая сказка

Солнце, точно яичный желток, золотилось над миром. Оно излучало тепло и жизнь. По его лучам соскакивали на землю крошечные цыплята - и все желтые. Это уже потом они обзаведутся разноцветными одежками, а поначалу все - в желтом. Пчела тоже желтая: вон какой у нее желтый улей. Пригласила она в гости цыпленочка, а тот не смог до улья допрыгнуть. «Ну, ничего, - думает. - Вон сколько кругом бабочек, все, как я, желтые. Полетаю -ка с ними». Подпрыгнул цыпленок, да вспомнил: крыльев-то еще нет, одни только крошечные желтыши по бокам. «Ну, ничего, - думает опять. - Стану курицей, захочу - до неба взлечу». А пока забился в мамокурицыны перья, поближе к ее желтому животу, и задремал.

А солнце золотело в небе, точно желтый блин с такими вкусными хрустящими закраешками.

Пчелы - точь-в-точь крошечные комочки пластилина - перелетали с одуванчика на одуванчик, а оттуда - напрямик в свой желтый улей. Только это будто и не улей, а огромная желтая библиотека. Рамки для сот - большие книжные полки и до самого потолка заставлены сотами. Да и соты - вовсе не соты, а крошечные желтые шестиугольники-телевизоры, где вместо экранов посверкивает желтый мед.

Снаружи до самого горизонта виделись желтые-желтые поля и луга, сплошь в желтоцветах, мать-и-мачехе. И видимо-невидимо одуванчиков. Все пригорки в сплошных желтых переливах. Да и само солнце, если приглядеться, сияло так, будто оно только что лежало на этой вот горке и вывалилось в желтых одуванчиках. А луг до того сверкал, что я не выдержал и тоже повалился в эту желтизну. И всего меня тут же до желта осыпало, запорошило и облепило пылью.

Прибрела желтобрюхая корова, приняла меня за желтый одуванчик да и сочмокала - сжевала меня.

Оттого и не могу писать дальше...

Коричневая сказка

А я его видел. Он скакнул прямо на сковородку, такой крошечный и коричневый человечек — и как зациркачит, как заскачет по коричневой поджаристой картошке! Как закричит: «Готово! Пспело! Покоричневело!» Едва я поперчил картошку, как он чихнул и пропал.

Считанные счастливики, которые видели его, в один голос говорят, что это — такой крошечный коричневый человечек, что он всегда там, где что-то готовится, жарится, допекается и созревает. Кричит он всегда только три слова: «Готово! Пспело! Покоричневело!» И все сразу румянится, зреет, буреет, смуглеет и коричневеет. Редко кто видел его: для этого нужно большое терпение. Но мне так захотелось снова увидеть его! Но где?

Где? Да там, где завелось что-нибудь коричневое. Наверняка, думаю, отыщу его возле боровиков. А я знал, что боровики вылезают из земли белы-белешеньки и только потом — непонятно как — коричневеют. Вот возле них-то, думаю, и крутится коричневый человечек.

Наутро чуть свет уселся я на самом подходящем для боровиков месте — под коричневой сосною. Жду. Вот-вот боровичок появится. Так и есть — вылезает. Шапчонка белая. Ну, теперь-то я ни за что с него глаз не спущу. Сейчас сам коричневый человечек пожалует. Жду, жду — никого нет. Жду, жду...

И тут кто-то чихнул. Ух ты, как напугал! А это заяц чихнул. Не успел я на него оглянуться, а боровик уже готов — шапчонка покоричневела. Значит, коричневый хитрячок и тут меня перехитрил.

Ну, ничего. Уставился я на другой боровик. Во все глаза гляжу. Так и сижу — гляжу-гляжу-гляжу, гляжу-гляжу-гляжу, гляжу-гляжу-гляжу... Хруп! Коричневый муравьишка ногу подвернул. Хромает, хромает - мается. Как не пожалеть хромоножку? Пока вправлял ему ногу, боровик опять покоричневел! Наведался сюда коричневый человечек и пропал как невидимка!

Ну, ничего, думаю. Я вот что сделаю: спрячусь-ка в дырке, которую червяк в боровике прогрыз. Задумано — сделано. Залез, притаился. Жду. Тсс, идет! Он на гриб забирается, а я — скок! — к нему! А он — скок! — от меня! В бруснику — и след простыл...

Вот он всегда так: все втихую делает, когда его никто не видит и не слышит. Мазнет по зеленым шишкам коричневым — и готово! «Покоричневело! Пспело! Готово!» — три его любимых слова.

Попробовал я однажды разыскать его в орешнике, когда орехи созревают. Он по ним коричневой кисточкой водит. Ищу в одной грозди, а он уже в другой малярничает.

Я — к одной, а он — к другой. Только и слышится: «Готово! Пспело! Покоричневело!» Наконец уселся я возле самой нижней грозди орехов. Уж здесь-то я его дожусь! Как все остальные посмуглит, не миновать ему к самой последней спуститься. Жду час, жду два, жду три. Жду день, жду другой... Долго ли еще этой грозди зеленеть?

На третий день прилетела коричневая лесная пчелка, запуталась у меня в волосах, затрепыхалась и так заголосила, что на весь лес слышно. Ну и голоси себе на здоровье! Теперь-то я знаю, что это она нарочно — чтобы я переполошился да и снова проворонил коричневого человечка. И не обращаю на нее никакого внимания: пусть голосит, пусть жалит, если ей так хочется, а я все равно с орехов глаз не спущу — вот-вот коричневый человечек появится.

Дзиннь! Летит коричневая мошка-крошка — дзиннь! — и прямиком мне в глаз! Не успел я как следует глаз протереть, смотрю — готово: орехи мои уже посмугтели!

Понял я тогда, что коричневый человечек не хочет, чтоб его выслеживали и больше не надоедал ему своим любопытством. Но прошлым летом лежу на пляже, вокруг полно народа, и вдруг вижу: на спине у Яна их аж целых семь штук! Крошечные такие коричневые человечки. И коричневыми кисточками его размалевывают! Сказал я про это Яну, а тот смеется, не верит. Да, говорит, спине щекотно было, но он-то думал, что это я его теплым песком посыпаю. А никаких таких человечков, говорит, вообще на свете нет.

Как так нет, если я своими глазами видел!

Только это не всякому удастся: огрррромное терпение нужно.

А где живут коричневые человечки, никто не знает.

Послушать одних — у медведя в шерсти; послушать других — в буре лишаи; послушать третьих — под шляпками желудей или под корой у сосен.

Говорить они умеют всего лишь три слова: «Поспело, покоричневело, готово». Как только выговорят — мигом все разбухает, созревает, разрывается: каштаны лопаются, у Буренки заводится бурый теленок.

Только вот никто не знает, как этих человечков звать. Коричняк? Коричневень? Пospелик? Готовень? Готовяша? А ты случайно не знаешь?

Семь разноцветных сказок

Хочешь, я расскажу тебе семь сказок?

— А какие они будут?

— Одна жёлтая, другая зелёная, потом голубая, потом красная, ещё синяя и лиловая, а самая последняя — оранжевая...

— А про кого они будут?

— Про одну девочку, у которой было много разноцветных передников и мамин лиловый зонтик...

Жёлтая сказка

Один раз девочка пошла в поле за цветами. Солнце было жёлтое, весёлое, тёплое. Кое-где вылезли травинки, но цветов ещё не было. Девочка посмотрела на солнце и сказала:

— Солнышко, солнышко, ведь уже весна, я надела свой жёлтый передник с жёлтым кармашком, почему же нет ни одного цветка?

— Сейчас будут, — ответило солнце и кинуло на солнечный пригорок вместе со своими лучами пригоршню жёлтых цветов. Лепестки этих цветов топорщились как жёлтые лучи.

— Знаешь, как они называются? — спросило солнце у девочки.

— Знаю, — ответила девочка. — Одуванчики!

Солнышко улыбнулось:

— А вот и нет! Они называются мать-и-мачеха. Самые первые весенние цветы. Даже листьев у них ещё нет. Только сами цветы светятся на тёплом пригорке.

— Он и злые, эти цветы? — спросила девочка. — Ведь в сказках все мачехи очень злые...

— Нет, — ответило солнце. — Мать-и-мачеха — добрый цветок. Просто листья у него такие: одна сторона тёплая, мягкая, как руки твоей мамы. А другая — холодная и блестящая...

— Как у мачехи из злых сказок, — подсказала девочка.

Солнце засмеялось и кинуло на пригорок ещё одну горсть жёлтых цветов...

Голубая сказка

Всё было голубым вокруг: и голубое небо, и голубая речка, и голубые стрекозы, и девочка в голубом переднике с голубыми кармашками.

И ещё на берегу голубой речки росли голубые незабудки.

— Стрекоза! — крикнула девочка той стрекозе, у которой были совершенно голубые и совершенно прозрачные крылья.

Голубая стрекоза сразу поняла, что девочка зовёт именно её. Она опустилась вниз и присела на голубую незабудку.

— Посади меня к себе на спинку, давай полетаем, — попросила девочка.

Стрекоза усмехнулась в ответ:

— Разве у меня хватит сил? Ты слишком велика...

— А если я стану малюсенькой, тогда полетаем?

— Тогда полетаем, — ответила голубая стрекоза.

Девочка шёпотом сказала волшебные слова:

— Тили-тили-бом! — и тут же стала меньше своего мизинца.

— Садись, — велела ей стрекоза и подставила спинку. И они полетели. Быстро-быстро! Ведь стрекозы летают быстрее всех на свете.

И через секунду их не было видно. Ведь над ними было голубое небо, у стрекозы были голубые крылья, а на девочке был голубой передник, да ещё с голубыми кармашками.

Они летали так долго, пока девочка не сказала:

— Я хочу домой. Мы не заблудились?

— Нет, — ответила ей стрекоза. — Разве ты не знаешь, что у нас, стрекоз, два огромных глаза и в каждом — много тысяч маленьких зорких глазков. И ещё есть такие глаза, которые видят, что делается внизу...

Тут девочка и стрекоза спустились на берег голубой речки, где росли голубые незабудки. А оттуда до дома было рукой подать!

Синяя сказка

Но всего труднее пришлось девочке, когда ей захотелось попасть в синюю сказку: для этого нужно побывать у синего моря. А ведь синее море очень далеко, добраться к нему не так-то просто. Тогда девочка сделала себе из синей бумаги синюю лодку, взяла в каждую руку по синему веслу и отправилась в путь.

А надо сказать, что за домом, в котором она жила, в овраге протекал ручеёк, и был он совершенно синий.

Девочка спустила свою синюю лодку в синий ручей и спросила его:

— Донесёшь ли ты мою лодочку до синего моря?

— Донесу... — прожурчал ручеёк.

— А тебе не трудно будет? — снова спросила девочка.

— Мне помогут другие ручьи, — прожурчал в ответ ручей и понёс-понёс синюю лодку с девочкой вниз по течению.

В этот ручей влился ещё один, побольше. Вдвоём они понесли на себе синюю лодочку так резво, что девочке не пришлось даже грести синими вёслами.

Понемногу всё новые ручьи и реки вливались в тот ручей, куда девочка спустила первый раз свою синюю лодочку. И ручей превратился в полноводную реку.

И наконец девочка увидела перед собой синее море. Оно было такое красивое и такое блестящее!

— Ты очень большое и глубокое? — спросила девочка.

Но море ей ничего не ответило. Оно было слишком большое и слишком глубокое, чтобы слышать девочкин голос. Тогда девочке вдруг стало скучно и захотелось домой.

— Достать тебе из моря камушек? — спросил маленький пучеглазый краб, который тут же, на берегу, грелся на солнце.

— Дostaнь, — сказала девочка, а сама всё думала: «Вот бы мне вернуться домой...»

А крабик бочком-бочком сбежал в воду синего моря и через минуту вернулся с камушком в клешне.

— Держи! — сказал он девочке.

— Какой синий и какой красивый! — вскричала девочка и, чтобы не потерять, скорее положила синий камушек в синий карман синего передника.

И что же?! Сразу оказалась дома! Вернее, у того ручья, который журчал на дне оврага около их забора.

— Ты что, волшебный? — спросила девочка у камушка, вынув его из кармана передника.

А камушек вдруг скользнул с её ладони — и в ручей! Нет, девочка его не нашла: ведь камушек был очень синий и ручей в овраге тоже очень синий...

Оранжевая сказка

Наступила осень. И девочка пошла в лес за оранжевыми листьями. Навстречу ей попалась берёза, вся золотая, с листьями, похожими на золотые монетки.

Попалась ей и осина. Эта стояла пунцовая снизу до макушки. Потом она увидела старый дуб. Он был ещё совсем зелёным, только с коричневыми желудями.

А ещё в лесу росла рябина. Ягоды, правда, у неё были оранжевые, но девочке нужны были не ягоды, а листья.

И тут она увидела дерево, которое раскинуло во все стороны свои ветки и горело оранжевым огнём, будто в лесу разожгли огромный костёр.

— Здравствуй, клён! — И девочка подошла к дереву.

— Здравствуй! — прошелестел клён, и несколько оранжевых листьев медленно слетели на землю.

— Это мне? — спросила девочка.

— Тебе... — снова зашелестел клён, и снова кленовые листья закружились в воздухе и упали к ногам девочки.

— Спасибо, — сказала девочка. — Но зачем роняешь такие красивые листья? Скоро у тебя ни одного не останется...

— Я готовлюсь к зиме, — ответил клён. — Зимой мне будет тяжело, если на каждый лист ляжет снег. Мне нужны силы для тех зелёных почек, которые развернутся весной.

И снова кленовые листья, будто огромные оранжевые бабочки, закружились около девочки.

Она набрала их целую охапку. Целую охапку оранжевых кленовых листьев. Принесла домой, разгладила каждый лист и все их поставила на подоконник.

Когда пришла зима, всюду лежал белый снег, а на окошке у девочки, казалось, сияет оранжевое летнее солнце.